

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



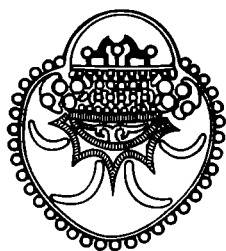
4

1967

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

СОВЕТСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



*Журнал основан в 1957 году
Выходит четыре раза в год*

№ 4

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА — 1967

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. В. Арциховский, главный редактор,
С. Н. Бибиков, *В. Д. Блаватский*, *М. К. КARGER*,
Е. И. Крупнов, *Б. Б. Пиотровский*, *Б. А. Рыбаков*,
А. П. Смирнов (зам. главного редактора)

Ответственный секретарь *А. И. Мелюкова*

Адрес редакции:
Москва, В-36, ул. Дм. Ульянова, д. 19

Технический редактор *Т. А. Аверкина*

Сдано в набор 17/VII-1967 г. Т-12867 Подписано к печати 6/X 1967 г. Зак. 31
Форм. бум. 70×108^{1/16} Бум. л. 10,0 Усл.-печ. л. 28,0 Уч.-изд. л. 23,2 Тираж 2200 экз.

2-я типография издательства «Наука». Москва, Шубинский пер., 10

К. А. АКИШЕВ

АРХЕОЛОГИЯ В КАЗАХСТАНЕ ЗА СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

История становления археологии Казахстана как науки связана с именами крупных русских востоковедов — В. В. Радлова, П. С. Савельева, В. Розена, В. В. Бартольда, Н. В. Веселовского, А. А. Спицына и В. А. Городцова.

Не умаляя значимости большого вклада, который внесли дореволюционные предшественники в изучение древностей, часть работ которых не утратила своего значения и поныне, необходимо констатировать, что археология Казахстана стала самостоятельной отраслью исторической науки лишь после Великой Октябрьской социалистической революции.

В первые же годы существования Советской власти охрана и изучение памятников истории, искусства и архитектуры становится делом государственной важности. В 1918 г. Совет Народных Комиссаров за подписью В. И. Ленина издает декрет о регистрации всех монументальных и вещественных памятников старины. В 1919 г. учреждается Государственная академия истории материальной культуры (ГАИМК).

Учреждения подобного профиля возникают на окраинах Советской России. В 1920 г. возник Туркестанский (позднее переименован в Среднеазиатский) комитет по делам музеев и охраны памятников старины, искусства и природы (Туркомстарис — Средазкомстарис). Ближайшие задачи Комитета определил В. В. Бартольд, обратив особое внимание на составление археологической карты.

Однако в связи с трудностями восстановительного периода крупные археологические работы начались позднее, хотя изучение разрушающихся памятников и поездки археологов на отдельные объекты начались еще в 20-е годы.

Среди работ первых лет в Казахстане нужно отметить поездки на развалины городища Сайрам П. П. Иванова (1923 г.) и М. Е. Массона (1925 г.). Оба ученых в статьях, посвященных результатам обследования, дали детальное описание памятника и исчерпывающую сводку исторических сведений о нем¹.

Новое в археологическую науку Казахстана внесли раскопки в 1926 г. в Западном Казахстане М. П. Грязнова. Открытие и раскопки ряда могильников эпохи бронзы Киргильда I, II, Урал-Сай и Кунакбай-Сай дали яркий вещевой материал и изменили утвердившееся мнение о том, что андроновская культура характерна лишь для Западной Сибири и Минусинской котловины.

М. П. Грязнов дал обоснованную систематизацию изученных памятников и высказал мысль, что дальнейшее исследование погребений и стоянок

¹ П. П. Иванов. Сайрам. Историко-археологический очерк. В кн.: Сборник Туркестанского восточного института в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923; его же. К вопросу об исторической топографии старого Сайрама. Сборник В. В. Бартольду — Туркестанские друзья, ученики и почитатели. Ташкент, 1927; М. Е. Массон. Старый Сайрам. Известия Средазкомстариса, 3, 1928.

эпохи бронзы в Казахстане, возможно, заставит по-иному смотреть на синхронные культуры других территорий². Ныне мы убеждаемся в правильности прогноза, сделанного сорок лет назад М. П. Грязновым. Мощный очаг высокоразвитой культуры бронзового века, широко распространенный по всей степной части Казахстана дает основание исследователям памятников соседних областей ставить вопрос о казахстанском происхождении андроновской культуры³.

Примечательно, что крупный знаток памятников эпохи бронзы евразийских степей С. В. Киселев, отмечая изменение облика культуры эпохи Шан (XVI—XI вв.) и основываясь на появлении не присущих бронзе Китая новых форм орудий труда и оружия, считал возможным говорить о влиянии на шанскую бронзу андроновской культуры Казахстана и Южной Сибири⁴.

Исследования О. А. Кривцовой-Граковой, проведенные в 1930—1939 гг. около Кустаная и в 1948 г. у с. Садчиково, явились следующим шагом в изучении андроновской культуры. Раскопкам подвергся комплекс памятников одной культуры; в Алексеевке были исследованы поселение с остатками жилищ, жертвенник и могильник, оставленный, может быть, жителями этого же поселения⁵. Итоги раскопок имели большое значение для более полного изучения бытового уклада и религиозных представлений степных племен эпохи бронзы. В будущих работах на поселениях необходимо обратить внимание на весьма интересную мысль О. А. Кривцовой-Граковой об установлении количества обособленных хозяйств внутри большесемейной общины по числу остатков кухонных очагов.

Особое значение материалы Алексеевского и Садчиковского поселений имели для установления относительной хронологии памятников эпохи бронзы в Казахстане. На основании изучения керамики О. А. Кривцова-Гракова выделила два этапа андроновской культуры — ранний и поздний.

Принимая в основном классификацию и периодизацию керамики, предложенную О. А. Кривцовой-Граковой, нельзя не отметить, что горшки с налепным валиком появляются на позднем этапе андроновской культуры, а не на раннем федоровском, на что уже обращал внимание В. С. Сорокин⁶.

Хотя со времени опубликования результатов раскопок алексеевского археологического комплекса прошло много времени и накоплен огромный новый материал, обоснование датировки алексеевских памятников X—XIII вв. и отнесение их к финальному этапу андроновской культуры не могут быть опровергнуты. Было бы справедливо этот этап, вместо неудачного названия замараевского или ивановско-замараевского⁷, назвать алексеевским.

Важное значение для изучения культуры эпохи бронзы в Казахстане имели работы Нуринской экспедиции ГАИМК (П. С. Рыков, 1933 г.). Участники этой экспедиции М. П. Грязнов, М. И. Артамонов, И. В. Синицын, М. Н. Комарова, Н. К. Арзютов, А. Н. Рогачев провели большие разведочные маршруты и раскопки в долинах рек Нура и Шерубай-Нура; были об-

² М. П. Грязнов. Погребения бронзовой эпохи в Западном Казахстане. Сб. «Казаки». Л., 1927, 2.

³ Г. Ф. Дебец. Палеоантропология СССР. М.—Л., 1948; Г. А. Максименков. Окуневская культура. Материалы по древней истории Сибири. Улан-Удэ, 1964; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1961.

⁴ С. В. Киселев. Неолит и бронзовый век Китая. СА, 1960, 4.

⁵ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. Тр. ГИМ, М., 1948, XVII; е е же. Садчиковское поселение. МИА, 21, 1951.

⁶ В. С. Сорокин. Могильник бронзовой эпохи Тасты-Бутак I в Западном Казахстане. МИА, 120, 1962, стр. 86.

⁷ К. В. Сальников. К вопросу о стадиях в памятниках андроновской культуры Зауралья. Пермь, 1948; М. П. Грязнов. Восточное Приаралье. В кн.: Средняя Азия в эпоху камня и бронзы. М.—Л., 1966.

наружены и обследованы стоянки энеолитического времени, могильники бронзового века, курганы эпохи раннего железа, надмогильные сооружения казахов⁸.

Подлинным открытием этой экспедиции явились раскопки кургана 11 около аула Дандыбай. Здесь в большой четырехугольной камере, стены которой были сложены из плитнякового камня, находились остатки разграбленного захоронения. В камере вместе с останками погребенного были обнаружены обломки бронзовых наконечников стрел, роговая ворворка, фрагменты 12 глиняных сосудов. Великолепно орнаментированные горшки с шаровидным туловом и прямым венчиком живо напомнили посуду карасукской культуры. В степях Центрального Казахстана был открыт в то время единственный, но очень яркий памятник поздней бронзы.

Карасукообразный облик культуры Дандыбая II серьезно поколебал распространенное мнение о том, что только на востоке карасукская культура сменила андроновскую, а на западе андроновская культура непосредственно предшествовала культуре эпохи раннего железа⁹. Вместе с тем близкие параллели Карасука и Дандыбая привели к появлению новых гипотез о западных границах карасукской культуры, о происхождении дандыбаевских находок в результате проникновения карасукских форм далеко на запад.

Полную публикацию и анализ дандыбаевского материала сделал М. П. Грязнов. Привлекая находки из могильника Бегазы, он считает культуру Дандыбая локальным вариантом карасукской, но возникшей не в результате распространения из Минусинской котловины, а на основе развития местной андроновской культуры при тесном культурном взаимодействии с соседними племенами¹⁰. Высокий уровень производства бронзовых изделий и керамики, найденных в Дандыбае и Бегазах, послужили М. П. Грязнову поводом для пересмотра его же вывода о сравнительной бедности казахстано-алтайской культуры и богатстве минусинской, который он сделал в 1930 г.¹¹

В 1933 г. археологическими работами были охвачены районы более западные, чем долина Нуры и даже Притоболье. ГАИМК организует Южноуральскую экспедицию (А. И. Тереножкин, П. А. Дмитриев и Б. Н. Граков) с целью учета и картографирования древностей. В результате было учтено и обследовано 168 могильников, насчитывающих 838 погребальных сооружений, пять стоянок и две пещеры, в том числе к эпохе бронзы относились 14 могильников. В раскопанных курганах наиболее интересные археологические материалы найдены в двух кольцевых оградах (Тулайкин аул).

Эти находки в совокупности с итогами разведок навели Б. Н. Гракова на мысль о распространении единой андроновской культуры на огромной территории от Минусинска до Орска¹².

В 1932—1933 гг. было положено начало изучению древних горных выработок на медь, олово и золото. Работа была проведена комиссией металлов, состоящей при Комитете по работам на новостройках ГАИМК. Комиссия провела обследование преимущественно в восточных районах Казахстана¹³.

⁸ П. С. Рыков. Работы в совхозе «Гигант» (Караганда). ИГАИМК, 110. Археологические работы Академии наук на новостройках, II, М.—Л., 1935.

⁹ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение..., стр. 153; С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949, стр. 69; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1948, стр. 96.

¹⁰ М. П. Грязнов. Памятники карасукского этапа в Центральном Казахстане. СА, XVI, 1952, стр. 159.

¹¹ М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзовой культуры. Сб. «Казаки», III, Л., 1930.

¹² Б. Н. Граков. Работы в районе проектируемых южноуральских гидроэлектростанций. ИГАИМК, 110.

¹³ Работы комиссии металлов (Главзолото и Союзредметразведка). ИГАИМК, 110.

В 1935—1937 гг. С. С. Черников продолжил работы в этом направлении. За два сезона в Калбинском и Нарыском хребтах он обследовал 16 древних выработок, из них 11 на олово, две на медь и одну на золото. Работа С. С. Черникова до сих пор является одним из первых в СССР трудов, специально посвященных развитию металлургии и горного дела в древности¹⁴. В изучение древней металлургии включились и геологи, чьи специальные познания оказывают ценную помощь археологам в выяснении многих вопросов истории металлургического производства в бронзовом веке¹⁵.

Таким образом, к концу 30-х годов памятники эпохи бронзы были открыты во всей степной части Казахстана от Иртыша до Урала, изучены и выборочно раскопаны могильники, поселения и горные выработки, разработана предварительная хронология культуры, намечены общие контуры истории племен в эпоху бронзы.

Работы М. П. Грязнова, О. А. Кривцовой-Граковой и С. С. Черникова определили дальнейшее направление в изучении андроновской культуры.

В 1928—1929 гг. М. В. Воеводский и М. П. Грязнов раскопали курганы у башни Бурана, поселков Чильпек и Каракол в Северной Киргизии. Бесспорной заслугой М. В. Воеводского и М. П. Грязнова является анализ материала, датировка изученных памятников и определение их этнокультурной принадлежности, т. е. выделение культуры древних усуней. Археологический комплекс был сопоставлен с конкретным этносом, с усунейскими племенами — древними обитателями Семиречья, имя которых сотни лет не сходило со страниц китайских хроник.

Работы последующих лет полностью подтвердили выводы М. В. Воеводского и М. П. Грязнова, более того, они долго служили своеобразным эталонным датировки и определения древнеусуньской культуры Семиречья, Ферганы и Южного Казахстана.

Среди работ этих лет несомненно ведущее место занимают экспедиционные исследования в Семиречье и Южном Казахстане, организованные ИИМК АН СССР совместно с Казахским филиалом Академии наук под руководством А. Н. Бернштама. Работам А. Н. Бернштама были присущи большие масштабы как по охвату больших территорий (Киргизия, юг Казахстана, Таджикистан, частично Узбекистан), так и по хронологическим рамкам изучаемых памятников. Изучению древностей Казахстана и Средней Азии А. Н. Бернштам посвятил свыше 20 лет. В течение этого времени почти все археологические изыскания на юге Казахстана и в других среднеазиатских республиках связаны с его именем. А. Н. Бернштам был организатором и руководителем крупных экспедиций, которые, выполняя археологические разведки и раскопки, в то же время являлись школой для подготовки археологических кадров.

Первой такой экспедицией была Семиреченская, организованная ИИМК АН СССР вместе с Казахским филиалом Академии наук и Комитетом наук при Совнаркомом Киргизской ССР. Полевые работы Семиреченской экспедиции проводились в несколько этапов: в 1936—1938 гг. в Таласской долине (Казахстан и Киргизия), в 1938—1940 гг. в Чуйской и Илийской долинах, в 1947—1952 гг. — в Южно-Казахстанской и, наконец, в 1950—1952 гг. — в Памиро-Ферганской экспедициях, организованных ИИМК АН СССР совместно с Академией наук Казахской ССР, Киргизским и Таджикским филиалами АН СССР.

На городищах Таласской долины были произведены разведывательные раскопки с целью выяснения их стратиграфии, а также раскопано несколько курганных погребений, обследованы памятники Акыртас и место

¹⁴ С. С. Черников. Древняя металлургия и горное дело Западного Алтая. Алма-Ата, 1949.

¹⁵ Г. Н. Щербачев. Археологические находки на Южном Алтае в 1949 г. ИАН КазССР, серия археол., 3, 1951.

случайной находки деревянной палочки с руническими письменами в ущелье Нельда. Так, подверглось раскопкам интересное по своей топографии городище Кош-Тепе (Костобе) (правый берег нижнего течения р. Талас). Материалы раскопок свидетельствуют о двух периодах в жизни города, датируемых VI—VIII и IX—X вв. На городище Чуль-Тепе (Чольтобе) были выявлены остатки жилых строений из сырцового кирпича на каменном фундаменте и другие. Раскопки охватили лишь верхний строительный горизонт XI—XII вв. Датировка городища Кош-Тепе и Чоль-Тепе, предложенная А. Н. Бернштамом, поставлена под сомнение Е. И. Агеевой и Г. И. Пацевичем, считающими ее удревленной¹⁶.

В междуречье Талас-Чу экспедиция А. Н. Бернштама обследовала и частично раскапывала Акыртас (XII—XIV в.). По мнению А. Н. Бернштама Акыртас был сооружением не среднеазиатского мастера, а мастеров сирийско-византийского происхождения. Вопрос о происхождении и времени сооружения Акыртаса остается спорным. Г. И. Пацевич, обследовавший памятник в 1940 г., датирует его VIII—IX вв.¹⁷, а архитектор Т. К. Басенов склонен относить его к VII—VIII вв.¹⁸.

Наиболее интересные материалы были получены при частичных раскопках поселения Луговое-холм — остатки сельского поселения с саманными жилищами полуседлого типа. Наряду с развитым скотоводством в хозяйстве жителей поселения значительную роль играло земледелие. Эти наблюдения явились исходными для вывода о развитии оседлости и земледелия в Таласской долине среди племен кангюй еще в первых веках нашей эры, который сделал А. Н. Бернштам.

Однако, как свидетельствуют наши материалы, полученные при раскопке поселения-зимовки Актас, синхронного памятнику Луговое-холм, переход к оседлости и развитие земледелия происходили и в восточном Семиречье у усуней¹⁹.

Таким образом, развитие оседлости и земледелия на территории Семиречья во II—V вв., по-видимому, было связано с общими закономерностями социально-экономического прогресса скотоводческих обществ. Его ускоряло воздействие высокоразвитых древнеземледельческих центров Средней Азии и Восточного Туркестана, с которыми общались скотоводы Семиречья.

Стратиграфический раскоп, заложенный близ цитадели Луговое-городище, установил время жизни города, начиная с VII в. до XII в. Работы, проведенные на городище в 1963 г., дали дополнительные данные и подтвердили датировку А. Н. Бернштама²⁰.

Работы Семиреченской экспедиции были продолжены в 1938 г. в более широких масштабах, чем в 1936 г. Были начаты раскопки городища Тараза, продолжено обследование западной части Таласской долины, в частности мавзолеев Айша-биби и Бабаджа-хатун, архитектурных памятников X—XII вв. Результаты раскопок Тараза показали, как отмечает А. Н. Бернштам, «столпный» характер культуры и архитектуры бывшего города, центра Таласской долины. Стратиграфический раскоп, заложенный в северо-восточном углу шахристана Тараза, дал материал, датирующий время жизни города с V по XV в. Особый интерес имеет надпись на сосуде, найденная в Таразе. Она была написана сирийским письмом, вероятно в VII в.,

¹⁶ Археологическая карта Казахстана. Алма-Ата, 1960, реестр № 3780, 3816.

¹⁷ Археологическая карта..., № 3819.

¹⁸ Т. К. Басенов. Орнамент Казахстана в архитектуре. Алма-Ата, 1957; А. Х. Маргулан, Т. К. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.

¹⁹ К. А. Акишев. Основные научные итоги археологических исследований в Казахстане. ВАН КазССР, 4, 1963; его же. Ценнейшие археологические памятники (на каз. яз.). В кн.: Свидетели древней культуры. Алма-Ата, 1966, стр. 62—64.

²⁰ К. М. Байпаков. Средневековые города и поселения Семиречья (VII—XII вв.). Автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1966, стр. 5, 6.

представителем среднеазиатского сирийско-тюркского христианского населения²¹.

В дальнейшем раскопки Тараза проводились в 1958, 1961 гг. (Т. Н. Сенигова), в 1962 г. (Т. Н. Сенигова, Е. И. Агеева, М. С. Мершиев) и в 1963 г. (Т. Н. Сенигова). Раскопки обогатили коллекцию из Тараза новыми многочисленными находками, дополняющими наше представление о культуре средневекового города и в основном подтвердили хронологические границы жизни Тараза. Добытые материалы дают основание предположить, что Тараз возник на месте поселения античного времени. Поэтому, возможно, что история Таласа — Тараза — Аулие-Ата — Джамбула гораздо древнее, чем нам представляется в настоящее время.

В 1938 г. были начаты раскопки на грандиозном могильнике, состоящем из нескольких сот курганов, известном под названием «Берккаринский»²². Берккаринский могильник примечателен разнообразием типов сооружений и контрастным различием размеров курганов и их конструкций (насыпные курганы, плоские кольцевые оградки, четырехугольные выкладки, образующие сложные в плане фигуры). Эти конструктивные особенности берккаринских курганов А. Н. Бернштам объясняет космогоническими, астральными представлениями кочевников, соорудивших эти памятники²³.

Датировка и этническая принадлежность населения, оставившего могильник Берккары, предложенная А. Н. Бернштамом и поддержанная Г. Г. Бабанской, на наш взгляд представляются убедительными. А. Г. Максимова, исследовавшая могильник в 1957 г., датирует его по аналогии с усуньскими погребениями Семиречья I—III вв. и предполагает, что он оставлен древними усунями²⁴.

Семиреченская экспедиция в 1939 г. обследовала Алма-Атинскую область. Итогами ее работ является составление археологической карты района разведок, описание и топографическая съемка плана памятников²⁵. Кроме того, были заложены стратиграфические шурфы на Талгарском городище в Джуантобинском могильнике, расположенном на р. Или. Датировка IV—IX вв., предложенная А. Н. Бернштамом, этого грандиозного могильника, насчитывающего около тысячи курганов, была уточнена А. Г. Максимовой в 1956 г.

На Джуантобинском могильнике она раскопала 29 курганов, давших большой материал, относящийся к двум хронологическим периодам: раннесакскому и усуньскому²⁶. Предложенная А. Г. Максимовой датировка довольно убедительна²⁷.

Таким образом Джувантобинский могильник — один из самых крупных в Восточном Семиречье — содержит захоронения трех племенных объединений: саков, усуней и тюрков, время обитания которых охватывает огромный хронологический период с VII в. до н. э. по VII—VIII в. н. э.

Несмотря на разведочный характер работ Семиреченской экспедиции, итоги обследования дали материалы, выясняющие особенности земле-

²¹ А. Я. Борисов. Сирийская надпись на сосуде из Тараза. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948, стр. 108.

²² Г. Г. Бабанская. Берккаринский могильник. Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, Алма-Ата, 1956; А. Г. Максимова. Погребальные сооружения скотоводческих племен. Сб. «Археологические исследования на северных склонах Каратау». Алма-Ата, 1962.

²³ А. Н. Бернштам. Чуйская долина. МИА, 14, 1950.

²⁴ А. Г. Максимова. Указ. соч., 100, 111.

²⁵ А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской области (по материалам экспедиции 1939 г.). ИАН КазССР, сер. археол., I.

²⁶ А. Г. Максимова. Курганы сакского времени могильника Джувантобе. КСИИМК, 80, 1960; е е же. Усуньские курганы левобережья реки Или. ИАН КазССР, I (9), Алма-Ата, 1959.

²⁷ К. А. Акишев. Культура саков долины реки Или (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

дельческой культуры Семиречья и торговые пути в Восточный Туркестан, а также уточняющие маршруты В. Рубрука во время путешествия в ставку монгольского хана Мункэ (Мэнгу) в 1253 г.²⁸

Однако в общем-то небольшая маршрутная поездка А. Н. Бернштама создала у него поверхностное впечатление о историко-культурном прошлом Семиречья. Он согласился с мнением В. В. Бартольда об отсутствии здесь «сколько-нибудь замечательных памятников древности», и распространил это мнение на все восточное Семиречье²⁹. Многолетние работы, проведенные в Семиречье в 1954—1966 г., доказали ошибочность мнения В. В. Бартольда и А. Н. Бернштама.

В Восточном Семиречье ныне нет белых пятен, не охваченных археологическим обследованием, нет также районов, где бы не были обнаружены следы деятельности человека в разные эпохи, будь то высокогорные плато Тянь-Шаня или безводные пустыни Прибалхашья. Открытые памятники относятся к разным хронологическим периодам, начиная с неолита и эпохи бронзы до XIX в., что свидетельствует о непрерывности развития общества и его культуры.

Топографические особенности памятников (размещение поселений — зимовок и могильников, планировка городов) наглядно отражают специфику экономического развития, обусловленную географической средой Семиречья. В древнем и средневековом Семиречье эта специфика развития выразилась в единстве скотоводческого и земледельческого хозяйства, полукочевого и полуседлого быта и, наконец, в единстве кочевнической и земледельческой культуры.

Необходимо подчеркнуть, что подобный синкретизм не был явлением искусственно насажденным в результате военных действий или колонизаторской деятельности, а был единственно возможным, естественным направлением экономического и культурного развития общества, выработавшимся в специфических природных условиях.

Среди многих новых памятников Семиречья особо должны быть отмечены такие редкостные, как петроглифы Тамгалы-Тас в Чу-Илийских горах, представляющие хранилище сотен наскальных рисунков бытовых сцен и ритуальных танцев, животных и сцен охоты³⁰.

В долине р. Или, где раньше не предполагали большого количества памятников, теперь найдены и раскопаны грандиозные курганы Бешатыра с уникальными деревянными конструкциями — усыпальницами сакских вождей. Найдены тысячи курганных могильников — родо-племенных кладбищ древних усуней³¹. В долинах рек Лепсы и Каратал были открыты и обследованы 20 неизвестных до этого средневековых городищ.

Большие земледельческие оазисы с развалинами городов и остатками мощных ирригационных сооружений были обследованы в пустынях Прибалхашья. Очаги городской культуры найдены и в предгорьях Кетмень-Тау, и в горных котловинах Заилийского и Кунгей Алатау³². Результаты обследования этих памятников свидетельствуют о более широких масштабах развития земледелия и городской цивилизации в Семиречье в X—XII вв., чем это представлялось раньше.

В 1940 г. А. Н. Бернштам обследовал развалины у современных поселков Мерке и Чалдавар и отождествил их со средневековыми городами Мерке и Аспара. На среднем Таласе обследованию подвергались городища Майтобе и Джувантобе, расположенные к югу от Тараза. А. Н. Бернштам, основываясь на противоречивых сведениях арабоязычных письменных

²⁸ А. Н. Бернштам. Памятники старины Алма-Атинской обл., стр. 87, 88.

²⁹ А. Н. Бернштам. Ук. соч., стр. 90.

³⁰ А. Г. Максимова. Наскальные изображения в ущелье Тамгалы. ВАН КазССР, 9, 1958.

³¹ К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней...

³² К. М. Байпаков. Города и поселения Семиречья. ИАН КазССР, 2, 1966.

источников о местонахождении средневековых населенных пунктов, пришел к гипотетическому заключению о тождестве городища Майтобе с древним городом Хамукет, а Джувантобе — с Атлахом. Уместно отметить, что В. В. Бартольд на основании этих же источников помещал упомянутые города на противоположной стороне, т. е. к северу от Тараза, на равнине.

На городище Аспары в 1965 г. были предприняты раскопки. Результаты раскопок внесли уточнения в некоторые вопросы истории Аспары монголо-тимуридского периода. В частности, время жизни города было определено вплоть до XVI в., тогда как раньше предполагалось, что уже в 30-х годах XV в. Аспара лежала в развалинах. В письменных источниках, кроме того, сообщалось, что уже в начале XV в. город существовал лишь как крепость, где содержался военный гарнизон войск Тимура, однако раскопки установили, что вне цитадели находились жилища гражданского населения, занимавшегося земледелием, скотоводством и различными ремеслами³³.

Кроме упомянутых работ больших экспедиций или целенаправленных исследований по отдельным проблемам, в 20—30-е годы осуществлялись поездки и раскопки отдельных ученых, краеведов, работников музеев, любителей археологии. Так, в 1929 г. А. И. Тереножкин совершал археологическую разведку по р. Чу, в результате которой была составлена археологическая карта и дано описание и датировка обнаруженных памятников³⁴.

В 1930 г. разведку и небольшие раскопки в Западном Казахстане произвел Б. Н. Граков. Он выявил и обследовал более 500 памятников, относящихся преимущественно к эпохе бронзы и раннего железа, и раскопал несколько курганов V—IV вв. до н. э. А. Г. Максимова исследовала часть этого материала³⁵. Большую собирательскую работу провел старейший краевед республики Л. Ф. Семенов в Акмолинской и Карагандинской областях³⁶.

В 1936 г. обследованием памятников древностей в Джезказгане занимался академик К. И. Сатпаев. Ему принадлежит первенство обнаружения и описания интереснейших наскальных изображений на правом берегу р. Буланты, каменных баб в окрестностях гор Едиге, наскальных писаниц, казахских родовых тамг в низовьях р. Сарысу и сборы каменных орудий горного дела и других древностей, особенно обследование и описание мест древних рудных разработок³⁷.

К. И. Сатпаеву принадлежит честь находки в горах Улутау плиты с надписью, сделанной в 1391 г. по приказу Тимура во время его похода в Дешт-и-Кипчак. Ее прочитал Н. Н. Поппе³⁸.

Н. В. Валукинский более детально изучал древние рудные разработки в Джезказгане в начале 40-х годов. В тяжелые военные годы он проделал огромную работу по изучению окрестностей Джезказгана. Благодаря его работам археологическая наука ныне располагает детальными сведениями о местах древней добычи, разработки и плавки медной руды в Джезказганском рудном районе. Он же предварительно датировал эти памятники, относя их к двум периодам: древнему (бронзовый век) и к средневековью³⁹.

³³ Л. Б. Ерзакович. Городище Аспара в послемонгольское время. ИАН КазССР, 3, 1965; его же. Оседлая культура Южного Казахстана XIII—XVIII вв. Автореф. канд. дис., Л., 1966.

³⁴ А. И. Тереножкин. Археологическая разведка по р. Чу в 1929 г. ПИДО, 1935, 5—6.

³⁵ А. Г. Максимова. Предметы эпохи ранних кочевников в Центральном музее Казахстана (г. Алма-Ата). Тр. ИИАЭ АН КазССР, I, 1956.

³⁶ Л. Ф. Семенов. Материалы к характеристике памятников материальной культуры Акмолинского округа. Вестник Центрального музея Казахстана, I, 1930.

³⁷ К. И. Сатпаев. Доисторические памятники в Джезказганском районе. Народное хозяйство Казахстана, I, 1941.

³⁸ Н. Н. Поппе. Карсакпайская надпись Тимура. Тр. ОБЭ, 2, Л., 1940.

³⁹ Н. В. Валукинский. Древнее производство меди в районе Джезказгана. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.

Заслугой Н. В. Валукинского является создание по инициативе К. И. Сатпаева музея в г. Джезказгане.

Значительные работы были произведены в 1938 и 1940 гг. в Северном и Центральном Казахстане. В районе г. Степняк (Кокчетавская обл.) С. С. Черников изучил древние горные выработки на золото, открыл и обследовал 11 поселений эпохи бронзы⁴⁰. В 1940 г. С. В. Киселев и Л. Ф. Семенов обследовали памятники в урочищах Бесоба и Жанааул (Карагандинская обл.)⁴¹.

Таковы научные итоги археологического изучения территории Казахстана в 1920—1940 гг. Довоенный период заложил основу периодизации казахстанских древностей, что имело огромное значение для дальнейшего развития древней истории и археологии Казахстана.

М. П. Грязнов уже в 1930 г. хронологию казахстанской культуры бронзового века разработал более конкретно. Основой датировки послужило выделение своеобразных, отличных от минусинских, типов бронзовых орудий и предметов быта, характерных для территории Казахстана. Таким образом, в культуре эпохи бронзы Казахстана были установлены три этапа развития: ранняя, средняя и поздняя⁴².

Результаты работы А. Н. Бернштама в довоенный период наметили основные контуры развития древней и средневековой истории и этапы развития культуры Семпречья и Тянь-Шаня⁴³. Заслугой А. Н. Бернштама является разработка историко-археологической периодизации памятников этих территорий⁴⁴. Эта хронология не потеряла значения до сегодняшнего дня и служит основой для периодизации древней и средневековой истории Семпречья, Тянь-Шаня и Памиро-Алая. Систематические и широкопоставленные раскопки памятников разных эпох внесут (частично уже внесли) коррективы в исторические выводы и хронологию А. Н. Бернштама, ибо в его работах, как он сам отмечал, «разведка преобладала над раскопками», а раскопки имели всегда относительно узкую задачу — датировку памятников.

Великая Отечественная война временно приостановила археологические работы, но после окончания войны, уже в 1946 г., они были возобновлены в Южном, Восточном и Западном Казахстане и положено начало систематическому изучению Центрального Казахстана. Одним из решающих факторов расширения масштаба работ явилась организация в республике Академии наук и отдела археологии при Институте истории, археологии и этнографии. С этого времени археологические исследования носят планоный и систематический характер, работы охватывают все районы Казахстана, изучаются и фиксируются памятники всех эпох.

По-прежнему большую помощь в изучении древностей Казахстана оказывают экспедиции Института археологии (А. Н. Бернштам, С. С. Черников, В. С. Сорокин) и института этнографии АН СССР (С. П. Толстов), Государственного Эрмитажа (С. С. Сорокин), Государственного исторического музея (О. А. Кривцова-Гракова) и Саратовского государственного университета (И. В. Ситницын). Следует отметить заслуги крупных советских ученых в подготовке национальных кадров археологов: А. Н. Бернштама, М. П. Грязнова, С. П. Толстова, С. С. Черникова, П. И. Борисковского, В. М. Массона, А. М. Беленицкого.

Важной задачей развития археологии в Казахстане в послевоенные го-

⁴⁰ С. С. Черников. Древнее горное дело в районе г. Степняк. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948; его же. Поселения эпохи бронзы в Северном Казахстане. КСИИМК, 53, 1954.

⁴¹ С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, стр. 92, 93, 102; А. Х. Маргулан, Е. И. Агеева. Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.). ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.

⁴² М. П. Грязнов. Казахстанский очаг бронзово-й культуры, стр. 149—162.

⁴³ А. Н. Бернштам. Основные этапы истории культуры Семпречья и Тянь-Шаня. СА, XI, 1949.

⁴⁴ А. Н. Бернштам. Чуйская долина..., табл. ХCV.

ды было составление археологической карты. Вместе с тем производились раскопки памятников, велось дальнейшее накопление материала.

Период с 1946 г. по 1956 г. составил особый этап развития казахстанской археологии. Он был периодом широких археологических поездок с целью регистрации и учета памятников, периодом археологической разведки всей огромной территории Казахстана. Многолетние работы были завершены в 1960 г. опубликованием фундаментального труда «Археологическая карта Казахстана». Составление и издание археологической карты целой страны (Казахстана) является первым случаем в советской археологии (имеются карты только отдельных районов) и пока не имеет прецедента.

Издание «Карты» сделало возможным научно обоснованное перспективное планирование археологических работ, выбор районов наибольшего сосредоточения памятников, где могут быть наиболее эффективно решены проблемы древней истории Казахстана, стал возможным выбор основных объектов для стационарных раскопок.

Первой археологической экспедицией, организованной Институтом истории, археологии и этнографии им. Ч. Валиханова Академии наук Казахской ССР, является Центрально-Казахстанская (ЦКАЭ, руководитель А. Х. Маргулан). Эта экспедиция в течение 20 лет ведет систематические поиски и изучение древностей Сары-Арки. Для выяснения вопросов взаимовлияния и расселения племен, а также для установления границ распространения отдельных типов памятников обследованию подвергались территории, лежащие на периферии Центрального Казахстана: на западе — бассейны рек Эмбы и Сагыза, на востоке — предгорья хребта Чингиз, на севере — низовья р. Нуры и побережья оз. Кургальджин и, наконец, на юге — низовья рек Сарысу и Чу и северные предгорья Каратау.

Работам А. Х. Маргулана были свойственны не только большие территориальные масштабы, но и широкий хронологический диапазон исследуемых памятников. Экспедиция обнаружила, обследовала и раскопала стоянки эпохи неолита, поселения и могильники андроновской и бегазы-дандыбаевской культуры; погребальные сооружения VII—I вв. до н. э. и курганы V—VIII вв.; наскальные изображения и каменные изваяния; древние иригационные сооружения и средневековые караванные пути; монументальные памятники каменной архитектуры VIII—X вв. и руины средневековых городов; шатровые мавзолеи XIII—XIV вв. и казахские кумбезы XVI—XIX вв.

Работам А. Х. Маргулана присуще сочетание данных письменных и литературных источников с местными преданиями, раскопки и систематическая разведка.

Центрально-Казахстанская экспедиция в 1946 г. провела широкую археологическую разведку, охватив огромную территорию от северных склонов Каратау на юге до низовьев р. Нуры на севере⁴⁵.

Среди обнаруженных курганов привлекают внимание так называемые курганы с «усами». По мнению А. Х. Маргулана, они по своему расположению напоминают планировку кочевого аула, а своеобразная конструкция курганов с «усами» связана с культом солнца⁴⁶. Таким образом, А. Х. Маргулан поддержал мнение о ритуальном характере курганов этого типа и связь их с солнечным божеством, впервые выдвинутое С. В. Киселевым. Позднее к этому мнению присоединился М. К. Кадырбаев⁴⁷.

Значительными оказались результаты поисков и изучения следов оседлой культуры в стране кочевников Дешт-и-Кипчаке. Остатки разви-

⁴⁵ А. Х. Маргулан. Археологические разведки в Центральном Казахстане (1946 г.). ИАН КазССР, сер. истор., I, 1948.

⁴⁶ А. Х. Маргулан. Ук. соч., стр. 122.

⁴⁷ М. К. Кадырбаев. Памятники тасмолинской культуры. В кн.: А. Х. Маргулан, К. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

той городской культуры были обнаружены и обследованы на северных склонах Каратау (городище Тарсатобе, Баба-Ата, Кумкент, Чулак-Курган, Саудакент, Аксумбе)⁴⁸. Из этих городищ лишь Кумкент и Саудакент упоминаются на страницах письменных и литературных источников. Следы городской культуры в виде остатков поселений, караван-сараев, городов, ирригационных сооружений прослеживаются гораздо севернее Каратау, в степных оазисах в бассейне рек Сарысы, Кенгир, в горных долинах Улутау и в низовьях р. Нуры⁴⁹.

Таким образом, уже в первый год работы Центрально-Казахстанской экспедиции внесли поправки в существующую концепцию, согласно которой считалось, что оседлая земледельческая культура на территории Казахстана распространена лишь в бассейнах рек Сыр-Дарья, Талас, в верховьях Чу, а крайним северным пунктом для Таласской долины было определено городище Оххум⁵⁰. Они же свидетельствуют о более тесной взаимосвязи кочевого и оседлого населения, кочевнической и земледельческой культур, чем это предполагалось ранее. Представилось возможным также внести некоторые уточнения в маршрут Рубрука. А. М. Маргулан убедительно отождествил открытое им городище Кумкент с городом Кинчат (Кинкат), упоминаемым Рубруком. Г. И. Пацевич считает, что на месте городища Кумкент может быть локализован город Койканд⁵¹, названный в отчете посольства царя Малой Армении Гайтона.

В 1947 г. ЦКАЭ исследуются древние караванные пути и частично раскапывается ряд новых поселений и городищ: Тасты (низовья р. Чу), Карабиданк и Ольке (р. Коктас в северной Бетпакдале), Кызылкент, Талдыкент и Карабулак (северо-западная Бетпакдала), относящихся к XI—XV вв. Некоторые из этих памятников возникли на месте поселений первых веков нашей эры. В районе расположения поселений и городов обнаружены остатки ирригационных сооружений — плотин, каналов и арыков, свидетельствующих об орошаемом земледелии сравнительно небольших масштабов. Экспедиция установила направление нескольких магистральных кочевых и караванных дорог, связывающих города Сыр-Дарья и Таласа с оазисами Улутау, с низовьями рек Иртыша и Нуры⁵².

В 1948—1949 гг. экспедиция продолжала выявлять следы оседлой и полuosедлой земледельческой культуры в низовьях р. Чу (городища Торткуль, Улькен-Актобе, Орта-Актобе, Аяк-Актобе и Бала-Актобе), р. Кенгир (Болган-Ана), р. Джезды (Аяк-Камыр, Баскамыр). Датируются эти памятники XI—XV вв.

Значительное внимание уделялось раскопкам и регистрации надмогильных сооружений: курганов, оград, архитектурных памятников — дынов (каменные пирамидальные сооружения), мазаров и мавзолеев, а также стоянкам с микролитическим инвентарем и наскальным изображением в пустыне Бетпакдала⁵³.

Большой интерес представляют результаты раскопок плиточных оград в известном могильнике Бегазы. Необходимо отметить, что датировка плиточных погребений Бегазы VII—V вв. до н. э., предложенная авторами раскопок⁵⁴, не нашла сторонников и была обоснованно отвергнута. Да-

⁴⁸ А. Х. Маргулан. Оседлые поселения XII—XIII вв. на северных склонах Каратау. ИАН КазССР, сер. археол., I, 1948.

⁴⁹ А. Х. Маргулан. Археологические разведки в бассейне р. Сарысу. ВАН КазССР, 7 (28), 1947.

⁵⁰ А. Н. Бернштам. Памятники старины Таласской долины. Алма-Ата, 1941.

⁵¹ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958; История монголов по армянским источникам. СПб., 1874, 2, стр. 8.

⁵² А. Х. Маргулан. Отчет о работах Центрально-Казахстанской археологической экспедиции 1947 г. ИАН КазССР, сер. археол., 2, 1949.

⁵³ А. Х. Маргулан. Третий сезон археологической работы в Центральном Казахстане. ИАН КазССР, сер. археол., 3.

⁵⁴ Л. Р. Кызласов, А. Х. Маргулан. Плиточные ограды могильника Бегазы. КСИИМК, XXXII, 1950, стр. 126—136.

тировка плиточных оград Бегазы позднекарасукским временем, т. е. IX—VIII вв. до н. э., представляется убедительной, вместе с тем нельзя не согласиться с мнением А. Х. Маргулана, что бегазинский комплекс отражает типичные черты кочевого быта⁵⁵.

В эти же годы в Центральном Казахстане были раскопаны курганы, ритуальные ограды и обследована группа каменных изваяний. Л. Р. Кызласов курганы и изваяния, находящиеся в горах Бегазы и Кызыл-Арай, Жаксы Арганаты и Едиге, датировал соответственно VI—VIII и IX—XI вв. и предположительно определил бегазы-кзыларайские — карлукскими, а едиге-арганатинские — кипчакскими⁵⁶. О каменных изваяниях Казахстана ныне накоплен большой материал, но он плохо изучен, систематизация и хронология его — дело будущего, поэтому первые предварительные выводы представляют интерес, хотя и не могут считаться убедительными.

Следует отметить, что памятники кочевников позднесредневекового времени изучены чрезвычайно плохо. Между тем значение их велико для понимания историко-культурной обстановки кануна сложения казахского народа⁵⁷.

В работах А. Х. Маргулана 1946—1950 гг. основное внимание обращалось на изучение двух проблем: историю возникновения и развития оседлых поселений и городов и историю архитектуры культовых сооружений.

При разработке первой проблемы особое внимание обращалось на такие вопросы, как взаимодействие кочевников и земледельцев и роль кочевников в формировании средневекового города и его населения. А. Х. Маргулан собрал большой и ценный материал. Ныне этот материал обобщен в специальной монографии, посвященной развитию городской цивилизации и строительной техники на территории Казахстана. В ней делается попытка рассмотреть эту проблему, начиная с сакского времени до современных казахов, устанавливаются при этом генетические связи и преемственность культур разных хронологических периодов. Для территории Казахстана во все времена было характерно чередование кочевничества у одной части населения и оседлости у другой, синтез кочевнической и земледельческой культур⁵⁸. Представляется, что эта мысль автора соответствует исторической действительности. Уместно отметить, что С. П. Толстов на материалах Приаралья также утверждает сочетание кочевого и оседло-земледельческого хозяйства в дотюркский и тюркский периоды.

А. Х. Маргулан собрал обширный и ценнейший материал по истории архитектуры культовых сооружений, значительная часть которого издана в книге, посвященной истории развития архитектуры и архитектурного декора в Казахстане с древнейшего периода до современности⁵⁹.

С 1951 г. по настоящее время ЦКАЭ ведет изучение памятников преимущественно двух эпох: эпохи бронзы и раннего железа.

Особую важность для археологии Казахстана, Средней Азии, Приуралья и Южной Сибири, представляют монументальные каменные сооружения в могильниках поздней бронзы Сангру, Ельшибек, Бельсар⁶⁰ и Бугулы. В Атасуском поселении открыты необычные конструкции жилых помещений: стены жилищ были облицованы крупными гранитными плитами, обработанными и пригнанными одна к другой⁶¹. Е. Е. Кузьмина уста-

⁵⁵ А. Х. Маргулан. Отчет о работах..., стр. 17.

⁵⁶ Л. Р. Кызласов. Памятники поздних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, сер. археол., 3, 1951.

⁵⁷ А. Х. Маргулан. Раскопки погребения воина XIV в. в долине р. Нуры. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, 1959.

⁵⁸ А. Х. Маргулан. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата, 1950.

⁵⁹ А. Х. Маргулан, Т. Басенов, М. Мендикулов. Архитектура Казахстана. Алма-Ата, 1959.

⁶⁰ А. М. Оразбаев. Памятники эпохи бронзы Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, стр. 59—74.

⁶¹ А. Х. Маргулан. Главнейшие памятники эпохи бронзы Центрального Ка-

новила, что подобная конструкция жилищ была известна и обитателям древнего Оренбуржья, что свидетельствует о применении камня в жилищном строительстве андроновскими племенами.

Центральный Казахстан является основным районом распространения курганов с «усами». Представляется, что конструкция этих курганов, скорее всего связана с бытовым укладом кочевников и имитирует кочевую повозку, которая являлась средством передвижения, и постоянным жилищем кочевых племен.

В конструктивных деталях кургана с «усами» есть все части повозки: основная насыпь (кибитка), пара каменных выкладок (оглобли) и запряженный конь, остатки которого лежат под насыпью малого кургана между «усами». По-видимому, идея, которая была вложена при первоначальном появлении курганов с «усами» заключалась не в изображении солярного знака, а в воспроизведении из камня дома-повозки, с которым была связана вся жизнь кочевника и его семьи. Редкие случаи частичного изменения общераспространенной конфигурации их не отрицают основную идею, а свидетельствуют о постепенном ее вырождении и о переходе к архитектурному конструктивизму.

Впервые основные разновидности курганов с «усами» и хронологические пределы их существования определил М. П. Грязнов⁶². Систематическое изучение этих памятников и курганов сакского времени начато с 1955 г. Результаты исследований вписали новую страницу в историю евразийских кочевников и умножили коллекцию вооружения, конского снаряжения и прикладного искусства эпохи раннего железа⁶³.

Одним из итогов изучения древностей Центрального Казахстана является разработка хронологии памятников эпохи бронзы и определение общих контуров социально-экономической истории общества этого периода⁶⁴. Следует отметить, что предложенная хронология носит предварительный характер. Новые археологические источники и более углубленное изучение казахстанской бронзы внесут коррективы. Последнее коснется особенно уточнения относительной и абсолютной хронологии памятников и выделения новых этапов развития культуры бронзового века.

Хронологическая классификация разработана также А. М. Оразбаевым для эпохи бронзы Северного Казахстана⁶⁵, а А. Г. Максимовой и С. С. Черниковым — для Восточного⁶⁶. М. К. Кадырбаев предложил хронологию памятников кочевых племен Центрального Казахстана эпохи раннего железа, в том числе и курганов с «усами»⁶⁷. Одним из существенных моментов проделанной им работы является установление факта существования курганов с «усами» в пределах целого тысячелетия (VI в. до н. э. — V в. н. э.), что, по-видимому, свидетельствует об этнокультурной преемственности какой-то части племен Центрального Казахстана в этот отрезок времени. Вместе с тем археологические и антропологические материалы дают оче-

захстана. ВАН КазССР, 3, 1956; его же. Открытие новых памятников эпохи бронзы Центрального Казахстана. Доклад на XXV Международном конгрессе востоковедов. М., 1960.

⁶² М. П. Грязнов. Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников. КСИИМК, 61, 1956.

⁶³ М. К. Кадырбаев. О некоторых памятниках ранних кочевников Центрального Казахстана. ИАН КазССР, сер. истор., археол. и этногр., I (6), 1958, стр. 95—104; его же: Памятники ранних кочевников Центрального Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7, стр. 162—203.

⁶⁴ К. А. Акишев. Эпоха бронзы Центрального Казахстана. Автореф. канд. дис., Л., 1953.

⁶⁵ А. М. Оразбаев. Северный Казахстан в эпоху бронзы. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958.

⁶⁶ А. Г. Максимова. Эпоха бронзы Восточного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7; С. С. Черников. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

⁶⁷ М. К. Кадырбаев. Памятники кочевых племен Центрального Казахстана (VII в. до н. э.). Автореф. канд. дис., Алма-Ата, 1959.

видные основания, устанавливающие пришлое компоненты в этносе и культуре.

В настоящее время большая часть материалов из раскопок в Центральном Казахстане в 1950—1965 гг. обобщена в книге, посвященной эпохе бронзы и раннего железа⁶⁸. Монография, по сравнению с указанными выше трудами о памятниках этой же территории, является следующим шагом в изучении центральноказахстанских древностей.

Центральный Казахстан был одним из основных районов становления и развития андроновских племен. Скопление большого количества различных памятников этого времени (поселения, могильники, рудные разработки, жертвенные сооружения) на сравнительно ограниченной территории, их внешний вид, техника сооружения, уровень производства говорят о высокоразвитой культуре, которую можно назвать классической андроновской. Племена Центрального Казахстана с их высокоразвитой культурой оказывали влияние на развитие культуры близлежащих районов. Наиболее близкие аналогии центральноказахстанской культуре наблюдаются в памятниках эпохи бронзы Северного, Западного и Восточного Казахстана.

В Центральном Казахстане для раннего железного века выделена сакская культура, которая названа тасмолинской. Выделение культуры основывается и на особой внешней конструкции курганов с «усами», распространенных преимущественно в Центральном Казахстане. Установлены два этапа ее развития: ранний (VII—VI вв.) и поздний (V—III вв.) и определено место тасмолинской культуры среди других культур скифо-сакского времени евразийских степей.

Большое значение для археологического изучения Южного Казахстана имеют многолетние работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР (С. П. Толстов). Здесь археологические исследования начались в северных Кызыл-Кумах и низовьях Сыр-Дарьи в 1946 г.⁶⁹ С этого времени проблема взаимоотношения древнего Хорезма с кочевой периферией надолго увлекла исследователя и его коллектив.

В 1948—1951 гг. и в последующие годы была исследована группа городищ Джеты-Асар, датируемых от середины I тысячелетия до н. э. до VI—VII в. н. э.⁷⁰ Найдено и обследовано более двух десятков городищ, руины погребальных сооружений мавзолейного типа и курганные могильники. С. П. Толстов эту группу памятников отнес к эфталито-хионитским племенам, т. е. тохарам Помпея Трога, отметив большую устойчивость культуры на протяжении тысячелетней истории этих племен.

Т. Н. Сенигова предложила первый опыт хронологии керамики джеты-асарской культуры. Она разделила керамику на три хронологические группы: I—IV вв. (верхний горизонт), III—I вв. до н. э. (средний) и середина I тысячелетия до н. э. (нижний)⁷¹. Л. М. Левина пересмотрела часть выводов Т. Н. Сениговой⁷².

Результаты многолетних работ Хорезмской экспедиции позволили выделить культуру четырех племен среднеазиатских саков: апасаков (массагетов болот и островов, по Страбону), сакараваков, аугасиев и тохаров. Культура этих племен представлена такими хорошо известными памятни-

⁶⁸ А. Х. Маргулан, А. А. Акишев, М. К. Кадырбаев, А. М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966.

⁶⁹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948 гг.). Тр. ХЭ, I, 1952.

⁷⁰ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. Тр. ХЭ, II, М., 1958; его же. По древним дельтам Окса и Яксарга. М., 1962.

⁷¹ Т. Н. Сенигова. Керамика городища Алтын-Асар. Автореф. канд. дис., М., 1954.

⁷² Л. М. Левина. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры. Сб. «Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана». М., 1966.

ками, как городища Чирчик-Рабат, Бабиш-Мулла, Джеты-Асарский комплекс, Баланды и Барактам, одноименными погребальными зданиями, расположенными около городищ, и курганными могильниками Тагискен и Уйгарак.

Материалы, накопленные в итоге раскопок этих памятников, дали возможность по-новому поставить вопрос об уровне развития социальных отношений в сакском обществе Южного Приаралья. Высокий уровень материальной культуры, монументальные оборонительные и погребальные сооружения, как отмечает С. П. Толстов, несовместимы с примитивностью первобытно-общинного строя, они могли быть созданы силами только классового общества, принудительным трудом эксплуатируемого населения⁷³. На развитие культуры древних племен оказывал сильное влияние Хорезм, но влияние было взаимное. Особенно большую роль степные племена сыграли в происхождении африкидской культуры Хорезма.

По нашему мнению, следует считать ошибочным распространение этнонима «скиф» вместо «сак» на территорию Средней Азии и Казахстана. Археологические антропологические материалы свидетельствуют об отличии скифов и их культуры от саков и сакской культуры. На это указывают краниологические наблюдения, а также существенные различия в материальной культуре этих племен.

Существенный вклад в развитие археологии Казахстана внесли работы Южно-Казахстанской экспедиции (1947—1956 гг., руководитель А. Н. Бернштам) и Восточно-Казахстанской (с 1947 по настоящее время, руководитель С. С. Черников).

Среди научных итогов работ этих экспедиций необходимо выделить постановку проблемы этногенеза народов Южного Казахстана и древнего Отрара⁷⁴, разработку хронологии средневековой керамики Казахстана и изучение исторической топографии поселений и городов бассейнов рек Сыр-Дарья (среднее течение), Арыси и Таласа⁷⁵; в Восточном Казахстане — открытие и изучение палеолитического местонахождения, периодизацию памятников и обобщение материалов эпохи бронзы⁷⁶.

Особо следует отметить раскопки царского кургана в Чиликтинском могильнике (С. С. Черников), давшее большое количество предметов из листового золота, выполненных в зверином стиле. Чиликтинское золото послужило причиной возрождения, но уже в новом варианте, старой геродотовской версии о приходе скифов с востока⁷⁷.

* * *

Достижения советской археологии в Казахстане огромны. Установлена непрерывность развития человеческого общества здесь с эпохи палеолита. До недавних пор в Казахстане не были известны следы обитания человека в эпоху палеолита. Открытие стоянок первобытных людей, находки каменных орудий — первых орудий, сознательно изготовленных человеком, имеют большое научное значение. Значение их состоит не только в том, что эти находки расширили границы истории древнего Казахстана на несколько сот тысяч лет, но и в том, что открыт новый ареал расселения первых людей, возможно, новый очаг становления человека на пути к

⁷³ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яксарта, стр. 200.

⁷⁴ А. Н. Бернштам. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана. ИАН КазССР, сер. археол., 2, 1950; его же. Древний Отрар. Там же, 3, 1951.

⁷⁵ Е. И. Агеева, Г. И. Пацевич. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 5, 1958.

⁷⁶ С. С. Черников. Находки палеолитических стоянок в Восточном Казахстане. ВАН КазССР, 12, 1951; его же. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. МИА, 88, 1960.

⁷⁷ С. С. Черников. Загадка «золотого» кургана. М., 1965.

homo sapiens⁷⁸. Неолит Казахстана представлен памятниками кельтеминарской культуры, но они изучены весьма слабо, хотя известны во многих районах⁷⁹.

Изучение культур эпохи бронзы и раннего железа наметило определенную генетическую преемственность, вплоть до начальной истории собственно казахского народа, что является объективным фактом, свидетельствующим об его автохтонности. Изучая орнаментику на андроновских сосудах, мы безошибочно найдем рисунок, знакомый по прикладному искусству казахов, мотивы так называемого рогового орнамента. Если андроновские племена украшали этим рисунком изделия из глины, то у казахов он явился основой орнаментики и широко употребляется для украшения изделий из самого различного материала. Сочетаниями мотива украшались войлочные ковры, чехлы для сундуков, спинки деревянных кроватей и т. д.

Таким образом, казалось бы, такая незначительная деталь прикладного искусства, как мотивы орнамента, приобретает важное значение и связывает между собой культуру тысячелетиями отдаленных народов. Антропологические данные свидетельствуют, что расовый тип современных казахов сложился на андроновской основе. Потомками племени бронзовой эпохи Казахстана были древние саки, усунь, кангюй, исторические имена которых известны из письменных сочинений древних авторов.

Памятники Казахстана сакского периода получили широкую известность. Любому исследователю древности вправе восхищаться величественными культовыми сооружениями сакских царей в Чиликтинской долине (Восточный Казахстан), в Бешпатырском и Берккаринском могильниках, в Тасмолинских каменных курганах в Центральном Казахстане, в Семиречье⁸⁰, в могильниках Тагискен и Уйгарак в низовьях Сыр-Дарьи⁸¹. Раскопки этих памятников обогатили сокровищницу древней культуры прекрасными коллекциями предметов быта, вооружения, конской сбруи и украшений, мастерски изготовленных из бронзы, железа и золота.

Древние усунь были прямыми продолжателями культурных традиций сакских племен. Усуньская культура не только сохранила лучшие традиции реалистического искусства саков, но и породила свои новые самобытные мотивы. В это время пышно расцветает искусство обработки золота (зернь, инкрустация цветными камнями). Прекрасными образцами древнеусуньского изобразительного и ювелирного искусства являются широко известная золотая каргалинская диадема⁸² и массивные золотые серьги, обнаруженные в 1962 г. при раскопке погребения в долине р. Кегень.

Археологические исследования сделали возможным по-новому рассматривать форму хозяйства и быт этих племен, сыгравших значительную роль в сложении казахского народа⁸³. В этом смысле принципиальное значение имело изучение древнеусуньских зимовок-поселений в ущелье Запильского Алатау.

В хозяйстве обитателей поселения преобладало скотоводство, но занимались они и земледелием (находки обломка серпа, каменных мотыг и зернотерок). По-видимому, древние усунь не были чистыми номадами, а яв-

⁷⁸ Х. Алпысбаев. Находки каменного века в хребте Каратау. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 14, 1962; С. С. Черников. Находки палеолитических стоянок...

⁷⁹ А. А. Формозов. Об открытии кельтеминарской культуры в Казахстане. ВАН КазССР, 2, 1945; его же. Новые точки кельтеминарской культуры в Казахстане. Там же, 5, 1946; А. В. Виноградов. Археологическая разведка в районе Аральска — Саксаульской. Тр. ИИАЭ АН КазССР, 7.

⁸⁰ К. А. Акишев. Культура саков (VII—IV вв. до н. э.). В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней долины р. Или. Алма-Ата, 1963

⁸¹ С. П. Толстов. По древним дельтам Окса и Яскарта.

⁸² А. Н. Бернштам. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Каргалинке. КСИИМК, 5, 1940.

⁸³ Г. А. Кушаев. Культура усуней правобережья р. Или. В кн.: К. А. Акишев, Г. А. Кушаев. Древняя культура саков и усуней...

лялись полукочевниками, хозяйство которых основывалось на яйлажном скотоводстве и на богарном и поливном земледелии.

В V—VII вв. на месте таких зимовок-поселений иногда появляются оседлые поселения и города, наибольшее развитие и расцвет которых относится к периоду Западно-Тюркского каганата и Караханидского государства.

Районом наиболее древней оседлости и земледелия являлся Отрарский оазис, примыкавший к нему район Келесской степи и левобережья р. Сыр-Дарьи. Несколько позднее переход к оседлости и земледелию происходит в Таласской и Чуйской долинах. Здесь земледелие сочеталось с интенсивным скотоводством. Оседлость и земледелие возникали и развивались в Илийской долине, но здесь еще больший удельный вес принадлежал скотоводству.

В настоящее время мы уже можем представить внешний вид, планировку городов на разных этапах развития. Для рубежа нашей эры характерны небольшие поселения сельского типа. Для середины I тысячелетия типичным являются укрепленные усадьбы, приспособленные к военным целям. В дальнейшем на месте таких поселений развивались феодальные города, где наблюдается уже более сложная планировка и архитектурное оформление.

Археология Казахстана накопила материал о ремеслах средневекового периода: кузнечном, ювелирном, гончарном, косторезном, стеклодувном и т. п. Изучение этих материалов позволило установить уровень развития ремесленного производства, основные технические приемы, некоторые вопросы организации производства⁸⁴.

Археологические и палеоантропологические исследования, проводимые в Казахстане, доказывают, что здесь с глубокой древности обитали аборигенные племена с самобытной материальной культурой. Перспективы развития казахстанской археологии определены. В силу сложившейся специфики развития двух форм хозяйства на территории Казахстана в древности у этнически родственных племен сложились две формы материальной культуры: кочевническая и земледельческая. Исследование этих двух культур было в прошлом, есть ныне и будет в грядущем основным направлением развития археологической науки Казахстана.

В заключение необходимо подчеркнуть, что развитие археологии в Казахстане непосредственно связано с развитием производительных сил страны, подъемом ее культуры и образования. Достаточно сказать, что в послевоенные годы в Казахстане работало много экспедиций на новостройках и на целинных землях, а это были наиболее крупные экспедиции, которые в буквальном смысле поднимали археологическую целину (в зонах строительства Бухтарминской, Южно-Уральской, Копчагайской, Шульбинской ГЭС, канал Иртыш — Караганда, Чардаринское водохранилище, десять экспедиций на целинные земли и др.).

⁸⁴ Т. Н. Сенигова. Поселение Ак-Тобе. Тр. ИИАЭ, 14, Алма-Ата, 1962.
Е. И. Агеева. Раскопки на городище Баба-Ата. Тр. ИИАЭ, 14.